

На правах рукописи

МАРКОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИСЛАВОВНА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА В РУССКОЙ НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Нижний Новгород 2013

Работа выполнена на кафедре методологии, истории и философии науки
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева»

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор **Мальцев Константин Геннадьевич**

Официальные оппоненты:

Бекарев Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета
социальных наук ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

Ширшина Роза Рамазановна, кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и политологии ФГБОУ ВПО «Нижегородский
государственный архитектурно-строительный университет»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 15 марта 2013 года в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.166.04 при ФГБОУ ВПО «Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г.
Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7, аудитория 300.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ
ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 1.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Н.Н.Воронина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. «Общественный идеал» для социально-философской мысли современной России представляет собой одно из тех понятий, которое может выступать как связующее звено, способствующее воссозданию целостности отечественных социальных практик, восстановлению утраченной преемственности. Обращение к традициям русской социальной философии начала прошлого столетия актуально с нескольких точек зрения. Прежде всего, в контексте современных российских проблем подобный подход связан с ностальгическим возвратом к некоему «порогу несбывшегося». Октябрьская революция и последующий советский период стали рубежом переосмысления общественных идеалов, они ознаменовали выбор новой, невиданной ранее свободы и глубины социального. Постсоветское разочарование в коммунистических социально-аксиологических ориентирах заставляет заново переживать устремления предреволюционной социально-философской мысли, осмысливать её самобытность и обретать тем самым необходимый потенциал дальнейшего развития. Как и столетием назад, в начале XXI века можно говорить о «канунной» России, когда осуществляется новый выбор формирования социальных структур. В качестве второго аспекта актуальности можно выделить несомненное единство стимулов философской рефлексии, общую стратегию гармонизации общественной жизни, сталкивающейся с всё новыми формами конфликтов и оппозиций. В переходный период одной из первоочередных задач становится поиск интегрирующего основания, вокруг которого могут консолидироваться различные социальные группы.

Помимо этого, концептуализация общественного идеала в заданном контексте затрагивает сущностные основы понимания природы социальной реальности как предметобразующей проблемы социальной философии.

Историческая судьба отечественной обществоведческой мысли в нашей стране столь же сложна, как и путь развития самой России, их сопоставление открывает путь к обновлению взгляда на самобытность социальной реальности нашей страны.

Духовный опыт «канунной России» ценен для нас, прежде всего, как опыт построения общественного идеала, оказавшегося слишком метафизичным и абстрактным; упав в период испытаний с этой недостижимой высоты, он не мог не разбиться. В настоящее время это социальное «несвершившееся» переживается в новом обличье. Можно говорить о состоянии «ожидания» общественного идеала в нашей стране, поиске нового универсального содержания во взаимодействии личности и общества, утверждения новых сверхличностных ценностей. Как никогда актуальными остаются слова Н.А. Бердяева о необходимости работы духа в мире и человеке, над миром и над человеком.

Степень научной разработанности проблемы. Конструирование общественного идеала как элемента идеологии преобразования России была одной из осевых тем русской философской публицистики начала XX века; в диссертации непосредственно изучается лишь то ее направление, которое создавалось группой интеллигенции, провозгласившей в качестве своей программы «возврат к идеализму» и затем к религии (не всегда православию, тем более в его церковной форме) (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый, С.Л. Франк и др.). Их сочинения составляют источниковую основу данной диссертации; основные выдвинутые ими положения - предмет анализа в настоящей работе: соотношение коммюнитарности и общественности; содержание понятия «соборность» как модели для общественных преобразований; «теургия» и «христианская политика» как способ социального действия; природа «подлинного общения» и виды его объективации; ступени реализации

идеального общественного устройства в истории, - эти проблемы русской неакадемической философии начала XX века рассматриваются в диссертации в систематическом единстве как элементы концептуализации общественного идеала в названной традиции социального философствования. В обобщающих трудах по истории русской философии Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, С. А. Левицкого, Н.Н. Зернова проблема концептуализации общественного идеала в отечественной социальной философии идеалистического и религиозного направления затрагивалась лишь в связи с общим анализом социально-философских учений того периода; исключением может считаться работа С.А. Левицкого «Трагедия свободы», но и в ней тема, ставшая предметом настоящей диссертации, обсуждается в отличном от нашего исследования контексте. Для идейного наследия русской эмиграции были характерны размышления о причинах «неудачи», «срыва», «катастрофы» в связи с сконструированным в начале XX века в русской неакадемической философии и философской публицистике изучаемого в диссертации направления концепта общественного идеала: например, Г.П. Федотов («грехи России»), В.В. Зеньковский и С.Н. Булгаков («мистические соблазны» русской социальной философии), И.А. Ильин (наиболее радикальный критик консервативно-монархического направления). В воспоминаниях Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся» и Н.А. Бердяева «Самопознание» можно найти подробное достоверное описание и пронизательную философскую критику умонастроений русской «богоискательской» интеллигенции начала XX века (именно здесь употребляются такие характеристики как «мистический блуд» и «вынуждение благодати», - применительно к определению задач социального творчества представителями изучаемой в диссертации традиции социального философствования). Что касается характеристик, даваемых различным вариантам концептуализации общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века анализируемого в диссертации направления, их идейными и политическими противниками, то мы посчитали

возможным уклониться от их использования в настоящей диссертации, постольку поскольку ее предмет расположен в сфере социальной философии, но не политической идеологии и истории идейно-политической борьбы.

В последние десять лет появились многочисленные исследования различных аспектов общественного идеала. В современной отечественной философии изучению общественного идеала в русской социальной мысли XIX - начала XX века посвящены работы И.Н. Баркова, М.Ю. Биоланова, О.Д. Волкогиной, М.И. Воловиковой, Г.В. Жигунова, Т.Б. Ивановой, Е.И. Кравченко, И.В. Масланова, А.В. Скоробогатько, Е.П. Сугатовой, В.С. Ткачева. Методологический аспект изучения общественного идеала рассмотрен в работах Л.Р. Дернова, Ю.П. Ивонина, З.Г. Искандарова, А.В. Карташова, А.В. Колос, А.В. Летенко, А.И. Липкина, Т.А. Лукшиной, К.В. Маркелова, Е.С. Маслова, И.М. Нениной, Н.С. Розова, Л.В. Савиной, В.И. Савокина, А.В. Токранова, И.С. Шестаковой, С.Э. Шешнева. Роль общественного идеала в социальных процессах в современной России изучалась в работах Н.И. Бирюкова, Е.В. Бродовской, О.Д. Волкогиной, Н.И. Вороновой, А.М. Демидова, М.Ю. Денисенко, И.А. Журавлева, В.Р. Ибрагимовой, Р.С. Истмагалина, С.Ю. Кагитина, Н.А. Коровниковой, Т.П. Короткой, А.А. Кулыева, А.Е. Кумыкова, И.В. Следзевского, М.С. Цапко, С.Н. Яременко.

Объектом диссертационного исследования является общественный идеал как концепт социально-философской рефлексии.

Предметом исследования выступает концептуализация общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования было обозначено социально-философское критическое исследование концептуализации общественного идеала в русской неакадемической мысли

начала XX столетия, для достижения чего были поставлены следующие задачи:

- провести критический анализ основных доктрин идеальных основ общества в русской социальной мысли начала XX века;
- выявить специфику концептуализации общественного идеала применительно к неакадемической ветви русской социальной философии;
- раскрыть сущность функционирования общественного идеала как проблематику взаимодействия личности и общества;
- выявить специфику общественного идеала нашей страны в его взаимосвязи с соборностью и всеединством как конститутивными элементами русского самосознания.

Научная новизна диссертации определяется выбором предмета исследования, включением в оборот новых источников, точек зрения и полученными результатами:

- в диссертации осуществлен критический анализ концептуализации общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века;
- определено содержание понятия «общественного идеала» как конститутивного элемента взаимодействия личности и общества, выявлены его социальные и экзистенциально-антропологические составляющие, - на материале русской неакадемической философии начала XX века;
- впервые предпринят сопоставительный анализ концептуализации в русской неакадемической философии начала XX века религиозной и нравственной составляющих общественного идеала;

– показано, что общественный идеал России функционирует в общественном сознании как ментальная структура, наделённая универсальными вневременными характеристиками, не замыкающимися на определённый этап исторического развития;

– показана концептуальная взаимосвязь общественного идеала и отчуждения применительно к неакадемической социальной философии.

На защиту выносятся следующие положения:

– Общественный идеал как модель социальной реальности в рамках русской философской традиции остается принципиально открытым и незавершенным, функционируя в любой исторический период в качестве недостижимого уровня духовной жизни.

– Неакадемическая концептуализация общественного идеала в русской социальной философии начала XX века наделена большим экспликативным и методологическим потенциалом по сравнению с академической традицией мысли.

– Общественный идеал является смыслообразующим центром, фокусирующим единство неакадемической социальной философии в России начала XX века.

– Основная проблема идеального общественного устройства в российском социальном пространстве – вопрос соотношения личности и государства, способ его постановки и путь его решения в определенный исторический период детерминирует соответствующую концептуализацию общественного идеала.

– В изученной в диссертации традиции неакадемической социальной философии начала XX века утверждается невозможность существования духовной общности русского народа вне религиозного

самосознания, детерминирующего морально-практические основания общественного идеала, формирование которых трудно реализуемо в академической традиции.

Методологическая основа исследования. Общей теоретико-методологической основой рассмотрения концептуализации феномена общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века выступают фундаментальные категории и принципы диалектического и системного метода. В работе используются общенаучные методы исследования: рефлексия и детерминация, сравнение источников, анализ, синтез и экстраполяция.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможностях реализации новых стратегий развития социального знания, опирающихся на полученные в ходе данной работы результаты. Их применение в сфере стратификационной политики общества включает в себе тот потенциал гармонизации социальных взаимодействий, который так необходим современному обществу. Соответственно открываются возможности практических приложений, связанные с внедрением в современные социальные практики. Ряд результатов, обобщений и выводов может быть реализован в преподавательской деятельности при разработке дисциплин по социальной философии, социологии, антропологии, этике, эстетике.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования отражены в публикациях (общим объемом более 3 п.л., в том числе две статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора

наук); излагались автором на международных и российских научных конференциях: Будущее технической науки (VIII Международная научно-техническая конференция 2009 год, Нижний Новгород; IX Международная научно-техническая конференция 2010 год, Нижний Новгород; X Международная научно-техническая конференция 2011 год, Нижний Новгород); Актуальные проблемы социальной коммуникации (2010 год, 2011 год, Нижний Новгород), Модернизационный потенциал регионов: Международная научно-практическая конференция (2011 год, Иваново).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяется объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, характеризуется научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации и структуре работы.

В **первой главе** («Основные элементы и нормативные принципы конструирования идеально-типической модели общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века») критически исследуются идеальные основы социальности, выявленные в русской социальной онтологии начала XX века, и именно в ее «неакадемической» составляющей. В диссертации вводится понятие «неакадемической философии» для обозначения идейных течений в умонастроении той части отечественной интеллигенции, которая признавала себя «вернувшейся к идеализму» и, более того, позиционировала себя как находящуюся в процессе «религиозного обновления» и даже «воцерковления». Несмотря на социальную разнородность, особенности мотивов философской рефлексии и различие, тем существеннее различия в подготовке и способности к «философскому акту» (термин И.А. Ильина) и в качестве собственно философствования, философская публицистика названного направления представляла некоторое единство (символизировавшееся, например, «Вехами», религиозно-философскими собраниями, позже - религиозно-философским обществом и т.п.), - в диссертации показывается, что одним из важнейших смысловых центров этого единства была рефлексия по поводу общественного идеала для преобразования современных им российских реалий.

Первый параграф («Отношение личности и общества; бердяевский персонализм и процесс социализации, природа общения»). Согласно

утверждению изучаемой в диссертации традиции философствования об обществе, современность характеризуется автономизацией областей бытия; возвращение к некоторому единству полагалось как задача социального действия, свойства цели (единства) постулировались на основе понимания сконструированных в горизонте идеологии (в данном случае - христианской идеологии российской интеллигенции изучаемого нами направления) свойств общественного идеала. Органическое и механическое единства противопоставались, но ни то, ни другое не рассматривались как искомый принцип должного общественного устройства; надлежало найти (или выдумать) и обосновать нечто третье, названное Н.А. Бердяевым, например, духовным единством или коммюнитарностью. Бердяевские конструкции здесь были не только наиболее радикальными и последовательными, но в веберовском смысле - идеально-типическими. В диссертации раскрывается содержание утверждения о том, что в «нормальном», то есть коммюнитарном (можно использовать другой термин: «соборном») общественном устройстве автономия личности относительно общества соблюдается таким образом, что не человек является частью общества, но общественность есть свойство личности («с экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности»¹), что возможно лишь для религиозно укорененной личности (утверждение, разделяемое всеми авторами анализируемой в диссертации традиции). В диссертации анализируется бердяевское утверждение о личности как единственном подлинном существовании - применительно к представлению о т.н. «коллективных личностях», выявляются следствия этого утверждения для социальной онтологии.

Основная проблема «идеального» общественного устройства - взаимоотношение человека и общества; в первом параграфе первой главы диссертации изучаются основные черты четырех выявленных Н.А.

1 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 15.

Бердяевым типов соотношения между я и социальностью: во-первых, человек не одинок и социален (самый элементарный и распространенный тип, я вполне приспособлено к социальной среде, сознание объективировано и социализировано; я чувствует себя дома в социальной обыденности, живет внутри традиции); во-вторых, человек не одинок и не социален (я приспособлено к социальной среде и находится в гармонии с коллективной жизнью; сознание социализировано но я не имеет социальных интересов, не проявляет социальной активности; тип распространен в эпохи установившейся социальной жизни); в-третьих, человек одинок и не социален (тип не приспособленный к социальной среде, сознание мало социализировано; тип уединяется от социальной среды и не склонен к активности; элитарный тип, легко идет на компромиссы с социальной средой); в-четвертых, человек одинок и социален (профетический тип, особенно излюбленный Н.А. Бердяевым и мистическими революционерами начала XX века; творческий инициатор, реформатор, революционер духа; никогда не находится в гармонии с социальной средой, переживает острое одиночество и покинутость; обращен к судьбам народа и общества). Именно четвертый из обозначенных типов конструирует концепт «общественный идеал», согласно изучаемой традиции русской неакадемической философии начала XX века, и является главным деятелем его реализации.

В диссертации рассматриваются основные типы общественного устройства, выявленные в русской неакадемической философии начала XX века: «Можно было бы установить три типа человеческой социальности: органические общности, механические общества, духовные общности»², - анализируются их основные черты; делается вывод о связи «духовной общности» и выдвинутого в изучаемой традиции общественного идеала. В первом параграфе первой главы анализируются основные положения о природе «нормального» общения, - в контексте введенного

2 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 65.

противоположения: «Всякое общество есть царство кесаря... Общение есть Царство Божие»³. По Н.А. Бердяеву, например, «проблема социальной метафизики есть проблема «мы»»; «Преднаходимы не только «я» и «ты», но и «мы». «Я» первичнее, но, когда я говорю «Я», я уже и полагаю «ты» и «мы». В этом смысле «я» дана социальность, как его внутреннее существование»⁴; указывается на бердяевское несогласие с пониманием отношения «я» и «мы» в социальной онтологии М. Бубера, К. Ясперса, М. Хайдеггера; и делается вывод: общество не есть организм, не есть существо, не есть личность, «реальность общества заключена в самих личностях, не в простом взаимодействии личностей, а в «мы», которая не есть абстракция и имеет конкретное существование; ««Мы» не есть коллективный субъект или субстанция. «Мы» имеет экзистенциальное значение, но не есть экзистенциальный центр. Экзистенциальный центр находится в «я» и в отношении к «ты» и к «мы». Именно это отношение «я» не только к «ты», но и к «мы» есть источник экзистенциальной социальной действительности»⁵. Таким образом, выявляется еще одно измерение общественного идеала, изученное в диссертации: конструкт не является произвольным, но детерминирован определенной (для анализируемой нами традиции — версией христианского модернизма, усвоенной изучаемой нами социальной группой русской интеллигенции начала XX века идеологии) социальной онтологией, определившей порядок рассмотрения структуры общественного идеала и его взаимоотношения с социальной реальностью России начала XX века и специально «религиозную» терминологию (вопрос о соотношении с православной традицией и учением православной церкви в диссертации не ставился).

Второй параграф («Идея соборности в метафизике всеединства; «соборность» как модель «нормального общественного устройства»).

3 Бердяев Н.А. Я и мир объектов / Н.А. Бердяев / Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. с. 312.

4 Бердяев Н.А. Я и мир объектов / Н.А. Бердяев / Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. с. 275.

5 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 62.

Определяя «идеальное» (в изучаемой в диссертации традиции для характеристики общества, отвечающего сконструированному представлению об общественном идеале часто использовалось слово «нормальное», так как реально существующее полагалось отклонением и извращением нормы, - причины и следствия такого понимания разбираются во втором параграфе второй главы диссертации) общественное устройство, его важнейшей характеристикой утверждалась «соборность»; это одно из существенных понятий в осуществленной в русской неакадемической философии начала XX века концептуализации общественного идеала. Традиция понимания соборности шла от А.С. Хомякова; связывалась прежде всего с учением о церкви, едва ли имевшем много общего с церковной православной экклезиологией, но бывшей популярной темой религиозного самосознания «возвращающейся в церковь» российской интеллигенции рубежа XIX-XX веков. В диссертации понятие соборности затрагивалось лишь в аспектах, необходимых для понимания концепта общественного идеала в русской неакадемической философии начала XX века (мы опирались прежде всего на сочинения С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, отчасти - Л.П. Карсавина). Во-первых, соборность понималась как один из аспектов бытия церкви, причем, по утверждению П.А. Флоренского, «при действительной кафоличности формы Церкви содержание ее кафолично не в действительности, а только в возможности»⁶; эта идея была особенно близка интеллигентскому умонастроению, не склонному принимать «исторически сложившиеся формы православия», но настроенному на реформацию в том числе и православного учения и институтов - в направлении, в целом совпадающем с преобразованием общества на основании сконструированного общественного идеала. Распространенным было также и принятие утверждения, что «идея соборности является христианским просветлением еврейской идеи Израильского народа»⁷, что в сочетании с утверждением о

6 Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. с. 404.

7 Карсавин Л.П. Saligia / Л.П. Карсавин / Малые сочинения. Спб.: Алетейя, 1994. с. 54.

том, что «религиозное сознание церковно по своей природе. Идея церкви родилась не в христианстве, она существовала и раньше, и вне христианства. Поэтому можно (хотя бы в формальном, и, так сказать, религиозно-трансцендентальном смысле) говорить о церкви иудейской, о церкви буддистской, языческой и пр. Каждая религия, как только она становится не достоянием отдельного человека, ее основателя, но сообщается другим (а сообщаться она стремится неудержимо), организует особую общину»⁸, - утвердив, таким образом, необходимую связь соборности и религиозности, русская социальная метафизика изучаемого в диссертации направления, утверждала религиозную природу подлинного общественного идеала (в отличие от мнимых, «недействительных»: в ходу было учение Гегеля о множестве «ступеней действительности»). Интимно-индивидуальный лично-выстраданный акт «предстояния перед Богом» полагался наиболее универсальным, и, таким образом, религия полагалась в основу социальности: «Универсальную природу религии часто не понимают социологи, которые полагают, что человечество социологизируется политическим, правовым, хозяйственным общением, и не замечают при этом, что ранее, чем возникают эти частные объединения, для того, чтобы они стали возможны, человечество уже должно быть скреплено и сцементировано религией, и если народность есть единственная основа государства и хозяйства, то самая народность есть прежде всего именно вера. Только религия подлинно социальна и в этом качестве есть основа социальности, хотя, как самая глубокая основа, она всего реже в этом значении усматривается»⁹. Подлинную социальность следует отличать от коллективности или внешней общественности, распространенное смешение, различение их, в том числе и понятийное, терминологическое считали важной задачей социальной философии все представители изучаемого в диссертации направления неакадемической философии начала XX века.

8 Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. с. 54.

9 Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. с. 52.

Во втором параграфе первой главы диссертации анализируется утверждение, что христианская идея троичности может быть понятийной моделью истинного (то есть «идеального», «нормального») общественного устройства; «Св. Троица дает прообраз не только природы единичного человека, но и человеческой общности, то есть человеческого мы»¹⁰; для целей нашего исследования важным было утверждение, что взаимоотношение ипостасей Св. Троицы полагалось образцом взаимоотношения людей в подлинной социальности. Однако представители изучаемой в диссертации традиции социальной мысли сознавали, что «идея церковной или религиозной общности далека современному сознанию»¹¹, и полагали необходимым ассимилировать, приспособить, высказать свои идеи в форме, более приемлемой для читающей публики начала XX века.

Третий параграф («Онтологические основания общества; формы и ступени реализации идеального общественного устройства в истории»). В диссертации указывается, что представители изучаемой традиции социальной философии признавали «органическое», или как они его еще называли (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) «физиологическое» начало социальности: человек есть настолько же индивидуальное, насколько и родовое существо; однако имелись существенные различия в оценке родового начала общности, особенно в перспективе ее преобразования на идеальных (как мы выяснили, для них - религиозных) началах; при общем согласии в необходимости преобразования родового начала, Н.А. Бердяев был склонен к утверждению его элиминирования (и вообще был к нему враждебен, в чем постоянно признавался), в то время как С.Н. Булгаков, С.Л. Франк (вообще большинство представителей изучаемой в диссертации традиции) более склонялись к его «снятию» (в гегелевском смысле). Однако в «преображенной», идеальной социальности духовное (может быть, более,

10 Булгаков С.Н. Трагедия философии / С.Н. Булгаков / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1993. с. 443.

11 Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип / С.Н. Булгаков / Избранные статьи. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1993. с. 262.

чем органическое, изначальное) начало безусловно преобразует начало физиологическое, именно как высшее и первичное: «В основе общественного бытия лежит духовная связь, вся громадная и тяжелая механика общественного порядка есть лишь надстройка и передаточный механизм, приводимый в движение силами духовной жизни. Сила права и власти покоится в конечном счете на их влиянии на души людей, на добровольном признании их авторитетности»¹². В основе социальной организации лежит начало служения (старая, еще средневековая, идея первичности обязанностей в отношении прав, «обязанность порождает право», разделяется большинством отечественных социальных теоретиков изучаемого в диссертации направления). В диссертации анализируется утверждение С.Л. Франка о двух основных интерпретациях идеи служения как основного принципа социальной организации. Во-первых, служение можно понимать как «служение обществу», как «взаимодействие между людьми, обмен услуг, имеющий целью удовлетворение человеческих потребностей»; это — ложное направление понимания и, онтологически, ложное основание общественности: «За сотрудничеством скрыта борьба эгоизмов, корыстных страстей - борьба между классами, сословиями, продавцами и покупателями, властью и подчиненными»¹³. Во-вторых, истинное понимание, по С.Л. Франку, есть признание служения правде как верховного принципа социального устройства, в этой интерпретации служение есть этический принцип, максима нравственного сознания; «всякое соединение и разделение труда и функций в обществе - которое образует существо синтетической расчлененной связи в общественной жизни и конституирует сложное органическое единство общества - есть обнаружение верховного начала служения и универсальности его значений»¹⁴. С.Л. Франк утверждал, что само существование общественной дифференциации, классов, институтов, корпораций «немыслимо иначе, как на основе их функционального значения

12 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 111.

13 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 111.

14 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 112.

как органов служения»¹⁵; в качестве этического принципа (для представителей изучаемой традиции не может быть не фундированной религиозно этики) служение делает необходимым вывод о «невозможности последовательного, атеистически-самоутверждающегося человеческого общества и абсолютная неустранимость религиозного начала служения как первоосновы и верховного руководящего принципа общественной жизни»¹⁶, в своем совершении именуемой соборной.

В диссертации изучается проблема форм реализации соборности как верховного принципа социальности в общественно-историческом процессе. Было выделено три основных формы. Во-первых, «первичной и основной формой соборности является единство брачно-семейное»¹⁷ (основой является универсальный факт существования человека через физиологическую связь с другими людьми, это называется «космической соборностью»; из физиологического внутреннего единства людей вырастает духовно-соборное единство семьи; в семье возобновляется духовно-культурное единство человеческой жизни); в диссертации отмечается, что это утверждение не разделялось Н.А. Бердяевым, развернутый анализ его аргументов представлен во втором параграфе второй главы диссертации. Из начала человеческой солидарности, первичной формой осуществления которой является семья, выводится фундаментальное значение малых союзов и объединений, профессиональных союзов и корпораций, где «единство целого непосредственно зиждется на живой близости между конкретными людьми», для нормального социального устройства (обычна была ссылка на гегелевское понимание гражданского общества); «социальное устройство наиболее нормально и плодотворно там, где оно складывается из гармонической координации многих небольших союзов и общественных объединений... Ибо в малых союзах общественный порядок может в наибольшей мере носить характер личных отношений между конкретными

15 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 112.

16 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 112.

17 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 58.

людьми и потому определяется внутренними нравственными силами»¹⁸. Во-вторых, вторая форма осуществления соборности — религиозная жизнь, причем все остальные формы и выражения общественной связи, покоясь на соборности, тем самым вырастают из религиозной связи и держатся на ней. В-третьих, третья форма соборности выражается в «общности судьбы и жизни всякого объединенного множества людей»¹⁹, т.е. есть народ; «эта соборность, основанная на общности судьбы, есть просто субъективный психологический факт, единство сознания; духовная жизнь, питаясь одним материалом, наполняясь единым содержанием, и по существу, жизненно-онтологически сливается в подлинное внутреннее единство; совместная жизнь прядет нити, подлинно проходящие сквозь души людей и изнутри связующая их в онтологически-реальное, то есть соборное, единство»²⁰. Три названные формы реализации соборности в социально-историческом бытии есть скорее не конкретные формы, но абстрактно-выделимые стороны соборности.

В диссертации, на основе анализа корпуса работ представителей русской неакадемической философии начала XX века, выделены признаки соборности, релевантные для определения содержания концептуализированного в исследуемой традиции социальной философии общественного идеала. Во-первых, «соборность есть органически неразрывное единство «я» и «ты», вырастающее из первичного единства «мы»»²¹, причем «мы» присутствует в каждом «я» как внутренняя основа его собственной жизни; единство соборности не ограничивает внешне «я», как закон, не есть внешний порядок, но понимается как свободная жизнь. Соборность, таким образом, во-вторых, понимается не как внешняя среда и не есть объект отвлеченно-предметного познания и утилитарно-практического отношения, а есть «как бы духовное питание, которым внутренне живет личность», «в конце концов она лучше всего выражается в

18 Франк С.Л. Свет во тьме / С.Л. Франк / Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 463.

19 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 59.

20 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 60.

21 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 60.

одном простом слове: личность и целое, как и отдельные личности, связаны между собой отношениями любви»²². Из этого следует, в-третьих, что в отношении соборного единства можно стоять только к индивидуальному целому, соборное целое должно быть индивидуальной личностью не в смысле субъекта сознания, но в смысле конкретной индивидуальности его существа²³; это утверждение ставит проблему «коллективных личностей», реальность которых наиболее последовательно утверждалась Л.П. Карсавиным и, в определенном (экзистенциальном) смысле отвергалась Н.А. Бердяевым. В-четвертых, соборное единство имеет надвременной характер, утверждается сверхвременное единство народа, «сверхвременное единство памяти» и сверхиндивидуальные цели, вне которых немислима истинная общественная жизнь. В качестве вывода из сказанного следует, что в представлении, постулируемом в изучаемой в диссертации традиции социальной философии, общество в его истинном и подлинном бытии понимается как «обнаружение богочеловеческой природы человека», лежащая в его основе соборность «есть выражение любви как действия внутреннего сверхприродного и превосмогающего эмпирическую природу начала божественной правды; и обратно: лежащее в его основе начало правды, подчиненности человеческих страстей и природных стремлений воле и силе Божией необходимо выливается в любовь, во внутреннее всеединство человеческого бытия, вне которого невозможна сама совместность и согласованность жизни, эмпирически определяющая природу общества»²⁴.

Вторая глава («Персоналистическое (Н.А. Бердяев) и «мистически-анархистское» (Вяч. Иванов) истолкование общественного идеала»). Оторванность описанных в первой главе диссертации представлений от эмпирически наблюдаемых умонастроений большинства социальных групп российского общества начала XX века, для представителей изучаемой традиции социальной философии не было аргументом в пользу принятия

22 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 61-62.

23 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 63.

24 Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. с. 92.

более «прагматических» идеалов социального преобразования; напротив, делался вывод о необходимости еще более «сублимированных» конструкций общественного идеала, так как подлинное и истинное социальное преображение понималось мистически, «теургийно», как «богочеловеческий процесс».

Первый параграф («Церковь как модель «нормального общества»; «теургия» как способ его исторической реализации: «мистический блуд» русской неакадемической философии начала XX века»). В диссертации утверждается, что для всех представителей изучаемого направления социальной философии, общим является понимание того, что истинным прообразом соборности как дифференциального признака совершенного общества и понятия соборности как смыслового ядра концепции общественного идеала является жизнь бога, а именно - христианская тринитарная доктрина; «мистерия Троичности отображается и символизируется повсюду в жизни человека и мира. Жизнь в существе своем есть и различие личностей и единство их. Полнота жизни есть соборность, в которой личность находит свое окончательное осуществление и полноту своего содержания. Встреча одного с другим всегда разрешается в третьем. Один и другой приходят к единству не в двоичности, а в троичности, обретают в третьем свое общее содержание, свою цель»²⁵. Важной проблемой, стоящей перед теоретиками общественного идеала, основанного на идее соборности, была интерпретация двух основных традиций, существовавших в учении христианской церкви об отношении к миру; аскетизм должен был быть согласован с «мироприятием», было предложено своеобразное истолкование христианкой икономии (совершенно утраченное современной наукой различение экономики и хремастики, введенное в античности, было вполне усвоено изучаемой в диссертации традицией социальной философии). Общество должно быть преобразовано на духовных

25 Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев / Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. с. 135-136.

началах, но важной представлялась задача «различения духов»; в диссертации анализируются специально «духовные уклонения» в общественном устройении, известные в русской неакадемической философии начала XX века под именем «соблазна Великого инквизитора». Основное отличие полагалось в утверждении свободы как существенного признака соборности и, следовательно, как принципа общественного устройства; «таинственное, сокровенное отношение личности человеческой и религиозной общности погружено в совершенную свободу, в неизъяснимую глубь духа, где снимаются все противоположности»²⁶. Наиболее радикально принцип свободы как черты соборности, искомого общественного устройства, общественного идеала утверждался в мистическом анархизме, основным теоретиком которого в начале XX века был Вяч. Иванов. В диссертации описываются выявленные Вяч. Ивановым предшествующие христианству формы религиозности, повлиявшие на собственно христианское решение вопроса о принципах «миростроительства», а также определяется несводимая к этим влияниям специфика христианского учения (кажется, в этом вопросе Вяч. Иванов не придавал существенного значения историческим формам христианства); важнейшим утверждением является то, что в христианстве произошла «замена договорных отношений отношениями любви и сыновства»²⁷, и «идея неприятия мира раскрыта во всей антиномической полноте»²⁸; «идея неприятия мира — идея мистико-анархическая, поскольку раскрытие ее необходимо вводит нас в круг мистических переживаний личности, и, противопоставляя необходимости последнюю свободу, человека, постулирует соборность, как последнюю свободу человечества, исключаящую в сфере общественных отношений всякое принуждение. С другой стороны, мистический анархизм до конца утверждает свою подлинную сущность только в этом споре против мира данного во имя мира,

26 Бердяев Н.А. Новое христианство / Н.А. Бердяев / Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х томах. Т.2. М.: Искусство, 1994. с. 381.

27 Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. с. 53.

28 Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. с. 53.

долженствующего быть»²⁹. Анархия применительно к социальной деятельности определяется как синтез безусловной индивидуальной свободы с началом соборного единения, - в диссертации раскрывается содержание этого, по утверждению самого Вяч. Иванова, по-видимому, антиномичного утверждения; анархия видится ему «внешнею формой соборной связи. Единственно приемлемою для мистического анархизма, но тем более ему желанною, были бы общины - союзы мистического избрания по сродству взаимно угаданного их членами друг в друге последнего «да» и «так да будет», погребенного в их последнем молчании»³⁰. Соборность, и в этом согласны все представители изучаемого нами направления социальной философии, есть не данность, но задание для теоретической мысли и задача осуществления соборности для творчества жизненных форм. Можно сказать, что сама идея соборности как дифференциального признака общественного идеала, выполняет несколько функций: во-первых, соборность понимается как общество, основанное на истинной идее общения (церковь есть осуществление соборности); во-вторых, она есть смысловое ядро конструкта общественного идеала в идеологии изучаемой в диссертации традиции социального философствования; в-третьих, идея соборности выполняет роль регулятивной идеи, критерия познания и оценки действительно существующих сообществ. Именно использование критического потенциала идеи соборности в оценке коллективных реальностей и реальных сообществ в русской неакадемической философии начала XX века было предметом изучения во втором параграфе второй главы диссертации.

Второй параграф (««Коллективные реальности» и «реальное общество»: несоответствие нормативной модели как детерминанта метода анализа и основа этического неприятия»). В вопросе о природе коллективных реальностей и их оценке с точки зрения общественного идеала и его осуществления мы выявили наиболее существенные расхождения между

29 Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. с. 56.

30 Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. с. 59.

представителями русской социальной философии изучаемого в диссертации направления. В диссертации доказывается, что противоположными полюсами в выявленном спектре утверждений по данному вопросу являются позиции Н.А. Бердяева и Л.П. Карсавина. Но Л.П. Карсавин разрабатывал свою доктрину «симфонической личности» (термин имеет солидную традицию употребления в доктринах, официально одобренных православием) во время, выходящее за изучаемого в диссертации периода; поэтому в диссертации представлены лишь бердяевские аргументы против карсавинской позиции в этом вопросе.

Н.А. Бердяев признавался, что его первичной интуицией относительно коллективных реальностей любого рода была исходящая от них опасность для личной свободы и для подлинной социальности, основанной на принципе соборности. Онтологический статус коллективных реальностей своеобразен; «вопрос о том, в каком смысле существуют и представляют реальность коллективные общности, можно ли признавать существование коллективных личностей, не может быть решен рациональным, понятийным познанием. Решение предполагает выбор, направление воли, нравственную оценку. Волевой выбор, установка иерархии ценностей создают реальности»³¹. Коллективные реальности Н.А. Бердяевым понимаются как индивидуальности, но не личности, так как они не имеют экзистенциального центра (Н.А. Бердяев утверждает, что решение вопроса зависит от признания реальности за человеческой личностью, на чем он настаивал, или признания реальности только личности бога, каковое утверждение он приписывал Л.П. Карсавину); и тогда «существуют коллективные реальности, но не коллективы как реальности. Коллектив есть не реальность, а известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся»³². Однако ложно направленное сознание, объективация, утверждая коллектив как реальность, утверждает в общении и соединении людей авторитарность;

31 Бердяев Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев / Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х томах. Т.1. М.: Искусство, 1994. с. 226.

32 Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 330.

Н.А. Бердяев различает коллективизм и коммюнитарность, основанную на начале истинного общения, свободы, через которую соборность преобразует существующие коллективные реальности и общество в целом («коммюнитарность и соборность всегда признает ценность личности и свободу»³³). Самым сложным является вопрос о реальности «основной» «симфонической личности» - церкви; в диссертации приводятся основные суждения по данной проблеме (автор диссертации ограничился здесь лишь сопоставлением приведенных мнений).

Реально существующие коллективности и общества способны совершенствоваться в направлении, определенном общественным идеалом, и в меру этой способности реализуют начала истинного общения и общественности; в диссертации рассматривается вопрос о задачах и принципах социальной деятельности (творчества), руководствующейся провозглашенным общественным идеалом. Если первая цель общества - «кооперация в борьбе за существование» осуществляется преимущественно «путем порабощения и несправедливости», то вторая, основная его цель - «преодоление замкнутости и уединения как основная проблема человеческой жизни» предполагает реализацию принципа коммюнитарности. По Бердяеву, эти две цели часто находятся в противоречии, и наличествуют «два понимания общества и пути его. Или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Или общество строится как природа, согласно законам природы, или оно строится как духовная реальность»³⁴. Понимание общества как природы реализуется в органических доктринах общества; в диссертации определяются основные принципы и направления критики органических доктрин с точки зрения конструкта общественного идеала в русской социальной философии изучаемого в диссертации направления. Объективному иерархизму органических теорий Н.А. Бердяев противопоставляет своеобразно интерпретированный аристократический

33 Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 333.

34 Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 269.

принцип истинного социального устройства (духовный аристократизм, основные черты которого выявляются в диссертации, совместим с социальным демократизмом, по крайней мере в анализируемой нами идеологии); аристократический принцип при этом сочетается с «вечными началами общественной жизни», которые Н.А. Бердяевым определяются так: «Идея существования вечных начал жизни имеет двоякое значение. Она имеет положительное значение, когда вечными началами признается свобода, справедливость, братство людей, высшая ценность человеческой личности, которую нельзя превращать в средство. И имеет отрицательное значение, когда такими началами признаются относительные исторические, социальные и политические формы, когда эти относительные формы абсолютизируются, когда исторические тела, представляющиеся «органическими», получают санкцию священных, например, монархия или известная форма собственности. Иначе это можно выразить так, что вечными началами общественной жизни являются ценности, реализуемые в субъективном духе, а не тела, реализуемые в объективной истории»³⁵

В **заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования и систематизируются полученные результаты, обозначаются возможные направления дальнейшего изучения проблемы. Реконструкция социальной реальности в контексте общественного идеала создает новое пространство для анализа духовных оснований жизни современного российского общества. Концептуальный и объяснительный потенциал русской неакадемической философии начала XX века значительно расширяет возможности изучения постсоветской действительности, выявляя новые факторы и направления ее развития. Их гармонизация напрямую зависит от адекватности восприятия предшествующего опыта, реализуемого в различных моделях общественного идеала.

35 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев / Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. с. 66.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Маркова, Т.В. Человек и вещь в горизонте стратификации: ценность, образ, метафора / Т.В. Маркова, В.И. Казакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия и социология; культурология. - Киров, 2009. № 1 (4). - С. 80-84.
2. Маркова, Т.В. Личность и общество: персоналистический взгляд / Т.В. Маркова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. - Н.Новгород, 2013. № 1. - С. 65-73.
3. Маркова, Т.В. К вопросу о нравственных основаниях российской модернизации / Т.В. Маркова // Модернизационный потенциал регионов: сборник докладов и тезисов международной научно-практической конференции. - Иваново. Ивановский государственный университет, 2011. - С. 71-73.
4. Маркова, Т.В. Модернизация как общественный идеал: возможность, вероятность, ожидание / Т.В. Маркова, В.И.Казакова // Модернизационный потенциал регионов: сборник докладов и тезисов международной научно-практической конференции. - Иваново. Ивановский государственный университет, 2011. - С. 422-424.
5. Маркова, Т.В. Проблематика социального конфликта в традициях русской мысли начала XX века / Т.В. Маркова, В.И. Казакова // Будущее технической науки. Материалы докладов VIII международной молодежной научно-технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2008. - С. 417-418.
6. Маркова, Т.В. Образ интеллектуала в русской социальной онтологии / Т.В. Маркова // Будущее технической науки. Материалы докладов VIII международной молодежной научно-

технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2009. - С. 526-527.

7. Маркова, Т.В. К вопросу о социальном идеале постэкономического сообщества / Т.В. Маркова // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы докладов первой международной научно-практической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. - С. 656.
8. Маркова, Т.В. Карнавальное мировосприятие и общественные идеалы: история и современность / Т.В. Маркова, В.И. Казакова // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы докладов первой международной научно-практической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. - С. 182-183.
9. Маркова, Т.В. Элита и общественный идеал / Т.В. Маркова // Будущее технической науки. Материалы докладов IX международной молодежной научно-технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. - С. 408.
10. Маркова, Т.В. Общественный идеал: поиск, утрата, надежда / Т.В. Маркова // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы докладов второй международной научно-практической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2011. - С. 132-133.
11. Маркова, Т.В. Белая лошадь: вера и разум в современной России / Т.В. Маркова, В.И. Казакова // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы докладов второй международной научно-практической конференции. - Н.

Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2011. - С. 629-632.

12. Маркова, Т.В. Российская модернизация глазами христианской метафизики / Т.В. Маркова // Будущее технической науки. Материалы докладов X международной молодежной научно-технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2011. - С. 477-478.
13. Маркова, Т.В. Переход и преодоление: метафизика возврата в дискурсе российской модернизации / Т.В. Маркова, В.И.Казакова // Будущее технической науки. Материалы докладов X международной молодежной научно-технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2011. - С. 475-476.
14. Маркова, Т.В. Модернизация в горизонте русской идеи: незавершённый проект, недостижимое начало / Т.В. Маркова, В.И. Казакова // Будущее технической науки. Материалы докладов XI международной молодежной научно-технической конференции. - Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2012. - С. 411.